

Кошкина мельница

(перевёл Юрий Каппе)

Седой старик в тулупе вышел из одетого инеем сада и оглянулся. Он смотрел сквозь яблони, осыпанные лёгкими ледяными блёстками, трепетавшими в вечернем румянце, как бледный налёт пепла на пылающих углях. Густо-алый закат задержался на его лице. Это было злое лицо старика. Его усы и борода походили на длинную серебряную бахрому, обмёрзшую голубыми и зелёными бусинками льда, а закат добавил туда ещё и красных. Это старый Лаускис, изгнанный отец хозяина, слишком рано отдавший усадьбу в руки сыну. Он появлялся лишь в сильную стужу, когда все ветки бывали закованы в тонкий ледок, и красный солнечный закат, словно вспышка гнева, подстерегал под яблонями и за углами построек его красное лицо. Гляди-ка, вот старик замахивается так, что растрепался заиндевелый клочок волос на затылке, и всаживает топор в угол клетки. «Ой!» — воскликнуло бревно, и сердце его разбилось вдребезги! Оно лопнуло со скорбным стоном, как струна кокле, — кот остановился на дорожке, что вела из избы в клеть, и прислушался, подняв лапку. «А-а, старый отец хозяина опять развоевался», — проговорил кот, заметив Лаускиса, который, злобно озираясь, удалялся с топором на плече. И яблони, словно напуганные, стоят недвижно и безмолвно, и ни единая веточка больше не смеет вздохнуть.

«Надо бы в клеть пойти, — думает кот. — Хозяйка бранится: «Чего спишь! Поглядел бы, чем мыши в клетке заняты!..»

«Надо, надо сходить, чтобы не срамили», — думает кот.

Поднял одну лапку — зябнет, поднял другую — зябнет.

Дровосеки выпрягли лошадей, идут в избу, радостно похлопывая ручищами в узорчатых варежках.

— Ты пойдёшь мышей ловить или нет? Чего вертишься под ногами...

Кот отскочил с дорожки и уселся в снег. «Поди-ка, полови в такую погоду, если у тебя ни рукавиц, ни чулок!» И он тихо крадётся за скрипучими пасталами дровосеков. Когда дверь уже захлопывалась за последней обмёрзшей пасталой, он мягко и бесшумно, как клубок, перекатился через порог в избу.

И пока большие опухшие ноги дровосеков устало топтались около двери, кот уже уселся на лежанке.

— Ну, скажи, что проку от твоих ног? — проговорил румяный комочек соли, оставшийся от осенней засолки мяса и неподвижно лежавший на печи ещё с первого снега. — Давно ли ты выбежал во двор и вот уже снова подставляешь мне свой бок. Гляди, а я вот одной головой обхожусь. Это всё потому, что я — соль земли.

— А чем плохо тряпкам за печью? — заговорили тряпки, сохшие на бечёвке. — За день наработаешься, а когда стол и посуда перетёрты, грейся себе за печкой до утра. У-у, зато не дай бог, если тебя намотает на ноги какой-нибудь бродяга и будет таскать по свету в такую погоду.

— А я зимой люблю зажмурить глаза, — прошипел пузатый

белый чайник и выпустил через носик пар, — зажмурить глаза и мечтать. Я вижу страны, где цветёт чайный куст, вижу синее одеяние императора, на котором качаются золотые цветы. Я вижу, как их колышет летний ветер. Император идёт садом в свою алебастровую беседку. Там его ждут двенадцать дам, двенадцать жёлтых чайных роз, с раскосыми, хмельными от грёз глазами. Они пьют чай из фарфоровых чашек с нарисованными на них крошечными дамами. У них раскосые, златокарие глаза, которые видят лишь легенды. Тогда император зовёт придворного сказителя и велит ему рассказывать предания о драконах и богатырях. И когда двенадцатиглавый дракон вбивает героя по грудь в землю, — двенадцать дам склоняют двенадцать тёмных головок на тонкие жёлтые ручки и томятся и дрожат, пока богатырь не отрубит дракону все двенадцать голов. Я мог бы рассказать много сказок, но все они пришли из Китая. Мурлыка, расскажи ты.

Кот выгнул спину горбом, поджал под себя застывшие лапки и задумался.

— Котик, котик, расскажи сказку, — стал просить маленький Дидис, прижавшись щёчкой к дрожащему затылку кота. И когда Дидис уселся рядом с ним на лежанке, кот начал:

— Когда-то в доброе старое время, у одной кошки была мельница. Днём и ночью молола она: мурр, мурр, мурр... Были там и ореховые поставá и миндальные поставá, это было в старое доброе время, в те славные годы. Хмель на стене мельницы был слегка припорошен мучной пылью; бечёвки, по которым он вился, вечно тряслись от громыханья мельницы. В окошко со старым зелёным стеклом поглядывали гномы — не едут ли мукомолы. Сама мельничиха расхаживала в белой шубке и

считала мешки — мешки с орехами и миндалем. Вечерами во всех окнах сияли золотые огни. Гудели жернова, свирелью журчала вода, и кошкины дочки отплясывали с молодыми соседями. У них были продолговатые золотые глаза, коготки их были хорошо спрятаны в розовых лапках. Веселее всего там бывало на Рождество.

В белой мельнице стояла зелёная елочка с золотыми орехами и мерцающими свечками. А гномы сидели в углу около мешков с мукой, молча держали в своих шершавых руках белые глиняные трубки, покачивали головами и говорили: «Вот это да-а!» А когда, потрескивая, вспыхивала иголочка хвои и синее пушистое облачко дыма взлетало и таяло в воздухе, разнося нежный аромат, как воспоминание о лете, то они молча утирали глаза. Потому что они были добрые человечки и все принимали близко к сердцу... Однако те времена миновали. К кошкиным дочерям стали наезжать женихи, и она хотела дать за дочками богатое приданое. Она занимала под мельницу деньги у чёрного кота, который был очень богат и сторожил в подвале старого замка чёртовы сундуки с деньгами... А когда она повыдавала всех своих дочерей, то от мельницы у мельничихи осталась лишь её белая шубка. Пришел чёрный кот с расписками и взял в заклад ореховые и миндальные поклажи. Но кошка так и не смогла расплатиться с долгами, и чёрный кот забрал мельницу. Ночью он перешёл из подземелья замка на мельницу вместе с денежными сундуками, которые тащили шестеро чертей, выпучив глаза — до того они были тяжелы! Добрые человечки — гномы в страхе разбежались по старым мышинным и ласочьим норкам, растеряв на ступеньках свои деревянные башмаки. А ночью на мельнице шёл пир горой. Черти отплясывали с ведьмами, и утром хмель у окошек повис опалённый — ведьмы, улетаая, обожгли его своим огненным дыханьем. Неприветливо стала теперь выглядеть мельница. Глухо

и мрачно урчит вода под обоими мостами, и весь честной народ объезжает мельницу кругом.

Ту ночь кошка переспала в стоге сена. Утром, помывшись, она задумалась — куда теперь идти? «Так разве нет у меня родни? — сказала себе кошка и выгнула спину. — Что долго раздумывать? Пойду к родне, с ней не пропаду». И пошла кошка в барскую усадьбу. Там её зять служил ключником при погребе.

Через заросшее пышными лопухами оконце кошка влезла в погреб. Сколько же там было молока и сметаны! Сам ключник прохаживался в белом фартуке и проверял сметанники. На дочке тоже был передничек, и она помогала мужу. Куда ключник опускал свою лапу, туда и она свой розовый язычок. Работы у них было по горло и дела шли хорошо. Они были так счастливы, что никто им не был нужен. Дочь приняла мамашу, как гостью. Она подала ей на лопухе сметаны, сидела рядом, угощала и спрашивала — как ей живётся. А когда мать рассказала, что чёрный кот забрал мельницу, она уронила пару слезинок, взгрустнув по милому очагу, вокруг которого зелёным хмелем вились её воспоминания о детстве. А господин ключник задумался и сказал, что тёща все-таки могла бы кое-что прикопить на старость. Куда ей теперь деваться? На них пусть не надеется. Им надо о детях думать (мадам ключница покраснела и прикрыла мордочку передником). Они ведь не желают нищих плодить. А потом наступило молчание, и кошка удивлялась, как это они так быстро наговорились. Больше им сказать было нечего, и кошка поняла, что ей пора уходить. Она сказала, что ей хочется навестить ещё других родственников. Ну что ж, воля её, может и прогуляться. «Да и погода нынче хороша, можно ходить по гостям с чистыми ногами», - заметил господин ключник. Оба сразу повеселели, стали радушными и выпроводили старую

кошку в оконце погреба. И когда, уходя, она оглянулась, то увидела среди зелёных лопухов их счастливые белые морды.

Да, дорога была суха и чиста, как белёный холст. По обочинам сияли крохотными солнышками одуванчики, но кошка с трудом переставляла отяжелевшие ноги. Куда идти? Подняв лапку, она остановилась возле скотного двора усадьбы и задумалась.

Тут как раз возвращалась с пастбища домой скотина. Рыжая корова, фыркнув, рогами столкнула кошку с мостика, стадо едва не растоптало её — раскачиваясь, коровы бежали к полным кормушкам, изо рта у них свисали подхваченные на ходу цветы и трава. Кошка едва успела отскочить с дороги. Но тут её заметил большой чёрный пастуший пёс, который шёл по пятам за скотиной, разгорячённый, злой, высунув длинный красный язык. Его глаза сверкали, как две рыжих осы. Взвыв, он бросился на кошку, и, убегая, та еле вырвала лапу из его зубов. Отпрыгнув в бок, она припала к земле, и пёс громадными злобными скачками промчался дальше по овсам. Тут кошке удалось удрать. Со страха она не замечала, как из укушенной ноги течёт кровь. Но когда она оказалась в безопасности за пригорком, то идти уже больше не могла. И с муками потащилась она к старому кирпичному заводу, где другая её дочь была замужем за кошачьим инспектором.

На дороге, возле дома, трое мальчишек играли в мячик. Они оставили надоевший им мяч и напали на тащившуюся мимо кошку. Один дёрнул её за уши и спросил, есть ли деньги. Другой сказал, что ему охота посмотреть, умеет ли кошка плавать, и закинул её в пруд. Они стояли и смотрели, как маленькая мордочка скользила по зелёной воде пруда к противоположному берегу. И когда кошка, длинная, серая, вымокшая, шатаясь,

вылезла из грязной воды на траву, третий мальчишка подбежал к ней и сказал:

— Теперь мне хочется посмотреть, умеет ли она падать по-кошачьи.

Он схватил кошку, затащил по лесенке на чердак хлева и выбросил в окно. Кошка перевернулась в воздухе и упала в яму с навозной жижей. А мальчишки принялись ловить молодых ласточек, которые сидели на концах стропил и были ещё очень доверчивы и неловки. Кошка вылезла из ямы и уползла в крапиву. Её белая шубка погибла, и теперь бы никто не сказал, что когда-то она была мельничихой. Когда мадам инспекторша увидела, как кошка входит во двор, то приняла её за нищенку и заперла дверь. А инспектор прорычал, что нынче среди кошек всё реже и реже попадаются добропорядочные. И дня не проходит, чтобы сюда не забрёл какой-нибудь бродяга. Он был строгим инспектором, и все соседние коты выли и неделями зализывали болячки после его ревизий. Кошка тоже напрасно стучалась в его дверь. Вот снова она задумалась, куда теперь идти. Но у неё вся родня была богата и всем дочерям она дала хорошее приданое. Будь бы у неё родственник такой же бедный и несчастный, как и она сама, то он бы сжалился над ней. Но богатый помогает богатому, и бедная кошечка нигде не находила приюта. Каждый дорожил своим покоем и счастьем, и никто её не впускал. И поскольку у кошки не было ни одного бедного родственника, то ей не оставалось ничего другого, как идти по миру.

Брела старая кошка, брела целое лето. Гоняли её собаки, драли кошки, мальчишки швыряли в неё палками и камнями. Осенью, когда *вѣли* — тени умерших, похожие на высохшие пучки льна, бродили по голым полям, у кошки вид был такой,

будто и она вышла из тёмного царства мёртвых, где кормят одними лепёшками из песка. Она шла из селения в селение и радовалась, если ночью, у какой-нибудь двери, когда собака, уткнув морду между лап, спала в подворотне, ей удавалось найти хлебную корку или картофельную шелуху. Так исходила она полкоролевства. Когда замёрзли реки и озёра и над лесами уже стелились седые зимние тучи, кошка увидела под тучами синие башни. Это была королевская столица.

Вечером кошка вошла в город. На горе, скрытый седыми деревьями, стоял королевский замок. Света в окнах не было. И заиндевелые деревья, словно белые покойники, безмолвно глядели в большие тёмные стекла. Только в одном окне виднелось красное пламя плиты. Под ним кошка уселась на ступеньках кухни обогреть ноги.

— Эй, что там ещё за гость? — Из двери высунулась голова седого старичка в белом колпаке. (Это был придворный повар.) — Гляди-ка, — кошка! Ну, заходи, заходи, — пригласил старичок. — Старый кот вчера ночью задохся в золе, и ты нам пригодишься.

— Ничего, что ты такая облезлая. Небось отъешься. Тут тебе не придётся самой добывать себе пропитание, — подбадривал её повар, пока кошка боязливо топталась, жалобно поглядывая в его глаза. Разве смела такая бедная кошка зайти в королевский дворец! Ведь не было у неё ни платья подходящего, ни чина... Но это уж было делом повара. К тому же король не выслал навстречу кошке ни платья, ни слуг. Повар взял её на руки и принес в кухню.

Наконец улыбнулось кошке счастье. Нежданно-негаданно оказалась она в большом почёте. Как придворная кошка, молока

она лакала вволю и скоро вновь обрела свою белую шубку мельничихи. В углу за дровами у неё был свой поблеклый коврик, на котором был выткан белый дом с синими ставнями и зелёный куст роз, протягивавший крупные раскрытые бутоны в распахнутое окно. Она сидела там и урчала, словно белая мельничка. Ведь по ремеслу она была мельничихой и не могла жить без дела.

Вечером, когда огонь в плите гас, кошка зарывалась по самый нос в золу. Но кончик носа она всё же оставляла на воле, чтобы не вышло, как у прежнего кота, который от чрезмерной любви к теплу задохнулся в пепле. Приоткроет кошка глаз, приоткроет другой, и не сводит их с крупных звёзд, что трепетно светятся над седыми верхушками деревьев в синем окне.

После ужина, когда повар, горничная и поварёнок сидели у алого огня с усталыми и пылающими лицами, кошка мурлыкала и вела рассказ про свою мельничку.

Маленькой принцессе Ильзе было зябко в холодных, сумрачных покоях замка. Она тайком пробиралась на кухню, усаживалась на низенькой скамеечке, ласкала кошку и слушала. И в отблеске огня сияло её круглое личико и длинные золотистые локоны. Но больной король не мог подолгу оставаться в одиночестве. Он посылал слугу искать её, и принцессе приходилось вставать с низенькой скамеечки, на которой было так хорошо, и идти обратно в холодные, мрачные покои, где по вечерам не зажигали огня. И там она должна была восседать на высоком золотом стуле. Это было очень тоскливо. С того дня, как умерла королева, в залах, где безмолвно и таинственно всё ещё отражались в синих стеклянных стенах золотые люстры,— больше не зажигали огня. Слуги двигались бесшумно, как тени. В

королевский замок злым недугом вошла скорбь. Давно уже вымели с лестниц траурную хвою, но душа короля была по-прежнему во власти её аромата. Он так долго предавался печали, что даже золотой венец на его голове начал ржаветь.

Этот недуг напал на него после смерти королевы. Её-то он уже забыл и теперь горевал обо всём, что терпели на свете люди, скотина и звери. Скорбел над героем, в груди которого ржавел наконечник копья, над болотным дроздом, бьющимся в силке пастушонка, и даже над жучком, нечаянно растоптанным детской ножкой, — то был совсем, совсем чудной король. Любое страдание на свете, словно стрела, отыскивало его сердце. Согбенный сидел он на своем троне, стиснув руками грудь. Впрочем, искусные придворные доктора советовали ему оковать сердце золотыми обручами, тогда, мол, оно не станет так легко отзываться трепетом на каждый вздох. Но король не слушался. Ему были дороги вздохи несчастных, доносившиеся сквозь времена и дали. Он согревал их у себя в сердце, как замёрзших младенцев, которые прижимались окоченевшими ручонками к его груди.

Ну, а вельможи позволяли его сердцу распахнуться настежь? Он уже роздал полкоролевства разным горемыкам. А стало ли от этого меньше бед на свете? По-прежнему, как тяжёлые капли росы на поникших в тумане ветвях, повсюду копились вздохи и никакому ветру было не под силу их отряхнуть. «Пусть уж лучше казённое добро достанется нам самим, — рассуждали вельможи. — Весь мир всё равно не ублажить». И они старательно ограждали несчастного короля от жизни. Дни он проводил за опущенными шторами, ночи — в бледных сумерках звёзд. Ежевечерне министр сообщал, что все благополучно, и не единый тревожный звук не достигал ушей короля. Однако его болезнь

была неизлечима. Когда жизнь отделилась от него, он скорбел над горестями давно минувших дней, о которых рассказывали древние хроники. Над судьбами, которые оставили по себе памяти не более, чем забытый в старой книге цветок — аромата, которые не оставили борозд глубже, чем оставляют волны на песке, стирающие следы друг друга.

И толстая книга, которую король вечером держал на коленях и читал при трепетном свете свечей, разве была она для него такой же книгой, какой она была для других? Она была мрачным могильным холмом, под которым погребены печальные судьбы. Она была тёмным лесом, в котором по ночам рыдали кости усопших. Она была скорбной нивой, где каждый колос нёс зерна своей скорби в великие закрома господни; одетым туманом бескрайним полем, где в сумерках тихо скрипит коростель. И разве то были строчки букв? Нет, то были тёмные бороздки, по которым текли слезы короля.

Король был один. У него была лишь маленькая принцесса Ильза. И его единственной отрадой было заглядывать в её детские глаза, ещё не знавшие страданий. Когда она убегала, его охватывало беспокойство, и он посылал за ней. Но Ильзу холодила печаль отца, она была бледна, как цветок, выросший в старом лесу под седыми бородами сосен. Она часто пропадала на кухне, грея там свою маленькую душу среди здоровых людей; там потрескивал яркий алый огонь, там мурлыкала кошка и крутила свою мельничку. И вот король велел принести к нему кошку, захотелось ему послушать её рассказ.

Ильза взяла мельничиху на руки, принесла в королевские покои и положила к ногам старого короля. Сощутив глаза, кошка посмотрела на больного короля, поджала лапки и повела рассказ

про то, как была у неё мельница, как отнял её чёрный кот, и про дочерей, что отказались от неё, и про жестоких мальчишек. И обо всём она вспоминала без злобы, без вражды и страдания. Король слушал её и дивился, как это можно так легко вспоминать о мучениях, и слёзы тихо навернулись ему на глаза, как тёплая синеватая радость зимы, которая исходит от убелённого снегом сада и нежно ласкает лоб. Да, да, до сих пор он не знал, что страдания могут так невесомо и беззвучно порхать, словно белые снежинки, скрывающие глубоко под собой грязь измученной земли. Для него страдания были горечью и сделали жизнь непроглядной и горькой, потушили золотые люстры в залах и солнце в небе. У страданий были только шипы, и каждый шип находил его сердце. А теперь у него появились лёгкие белые крылья из цветов. И он мог плакать и улыбаться, как улыбаются снежинки над потонувшей в грязи землёй.

Когда кошка закончила свой рассказ, король взял её на колени и спросил:

— Скажи, что мне сделать с чёрным котом?

— Эх, король, незлопамятна я, — ответила кошка.

— А что мне сделать с твоими неблагодарными дочерьми?

— Делай им только добро. Когда я ходила нищенкой по миру, — уже было довольно страданий. Для чего их множить. Пусть лучше умножается радость.

— Твоя правда, мурлыка, — задумчиво произнес король. — Однажды я хотел повесить грабителя, но это убивало его мать. А горе матери убивало его сестру, и страдания дочери погубили сад:

цветы завяли и яблони осыпали незрелые плоды, потому что в пору цветения дочь от горя забыла их поливать. Тогда я помиловал грабителя, ибо не хотел умножать страдания на земле.

— А как поступить с теми мальчишками, что так безжалостно мучили тебя? — спросил король.

— Эх, король, незлопамятна я. Эти маленькие люди так любопытны. Они ещё не знают, что такое боль. Они хотят увидеть страдание и радуются, когда кошка мучается. Придёт срок, жизнь ещё ранит их юные души и они познают боль. Тогда мы с ними ещё подружимся.

Тут король поднялся с трона и приказал зажечь все золотые светильники. И они один за другим отразились в зелёных стенных зеркалах, один за другим озарили светлым пламенем лица и взоры короля и маленькой принцессы Ильзы, когда те, словно всколыхнутые тихой волной, проходили по покоям замка, вспыхивавшим тысячами радостных огней.

— А мельницу я всё-таки тебе верну. Ты ведь мельничиха, и я не могу для тебя придумать лучшего ремесла, — сказал король кошке.

Так оно и было: кошка получила обратно свою мельницу. Черти унесли чёрного кота в болото вместе с денежным сундуком, ибо жизнь на мельнице стала для них беспокойной. И кошечка снова стояла на своей мельнице в белой шубке. И снова задвигались ореховые постова и миндальные постова — мурр, мурр, мурр...

А король излечился, и в замке началась новая жизнь.